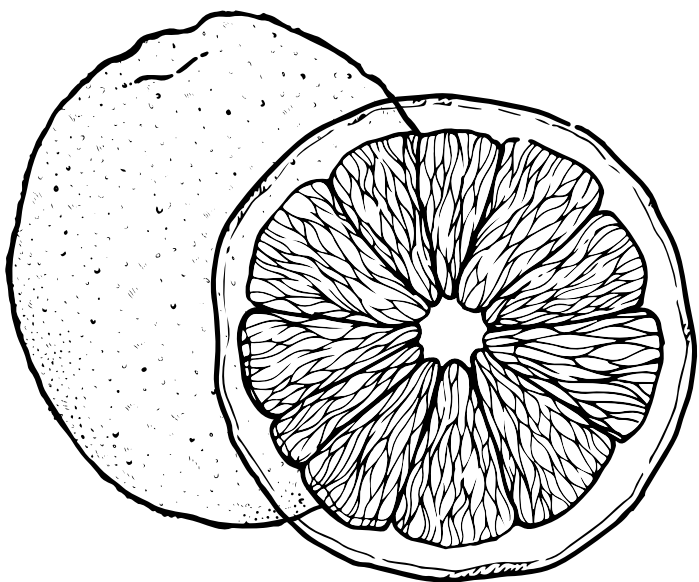

Сабит Алиев

Ветер любви

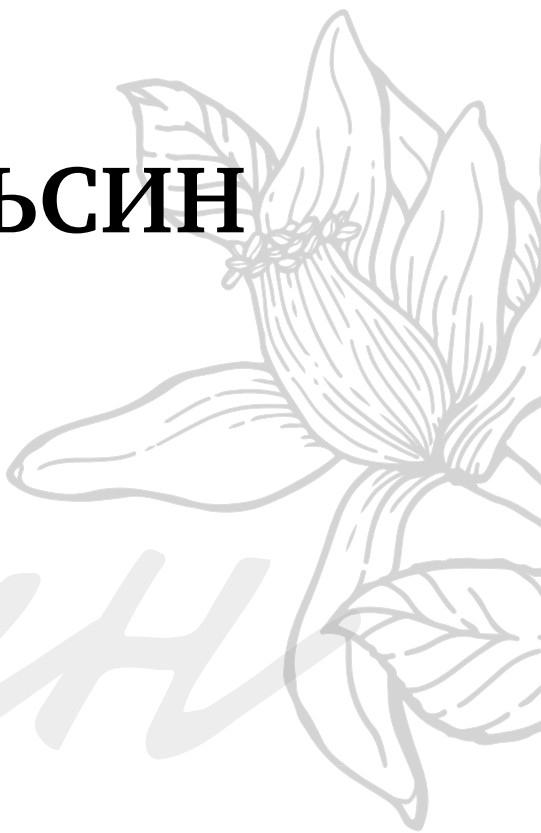
Москва
2023

orange

АПЕЛЬСИН

АПЕЛЬСИН

Дорогая Анна! Сердечное тебе спасибо за поздравление с моим юбилеем. Хоть оно и пришло на месяц позже, все равно приятно — значит, есть на свете кто-то, кому я небезразлична. Говорят, печально праздновать сорокалетие, да мне и не с кем. Твое маленькое письмо, вопросы в нем вернули меня в те времена, когда всякий раз при наших встречах ты удивлялась, что в моей жизни нет никаких значительных событий. Я смущенно пожимала плечами и никогда не решалась рассказать тебе о яркой, удивительной, может быть, и странной полосе моей жизни. Видимо, теперь время пришло... Нет, не буду докучать тебе, а только расскажу о самом важном. Однако это будет скорее рукопись, чем ответное послание.

...О, как много он мне дал, и какая я перед ним неоплатная должница! Он был очень умен, но его ум не стеснял меня, не подавлял. Он был легок, непринужден и весел, почти лысый, невысок ростом, от природы наделен большой физической силой, немного надменный, но с другими. Терпеть не мог злых людей. Мы были дружны с ним почти два года. Заметь, я говорю *дружны*, потому что не могу сказать *близки*. В свою душу я так и не пустила его. Не смею также сказать, что жила с ним. Я тогда, в свои двадцать лет, испытывала ужас при одной мысли о том, что два человека — мужчина и женщина — могут жить всю жизнь вместе, с утра до вечера и с вечера до утра, делясь едой и питьем, спальней, снами, радостью и горестью... И эта тесная жизнь длится до тех пор, пока оба не потеряют окончательно всю прелесть и оригинальность своей личности, пока в супружеском ложе ежедневной привычкой не погаснут все восторги, не станут регуляр-

ной необходимостью или чуть-чуть приятным удовольствием. Возможно, я сумела бы поменять свое мнение, но об этом чуть позже. В любви и в отношениях — так мне сейчас кажется — он был очень избирателен. Много раз я слышала от него о большой и прекрасной любви, которая выдерживает всякие испытания, преодолевает все преграды и соблазны, торжествует над бедностью, болезнями, клеветой и долгой разлукой, о высшей любви, о которой сказано, что она сильнее смерти. И неужели ты не согласна со мною, что дар любви, как и все дары человеческие, представляет собой лестницу с бесконечным числом ступенек, ведущих от земли к вечному небу? Он любил меня, я это чувствовала. «Знаешь, Натали, — говорил он мне, — я чувствую, что до тебя никого не любил. Я ждал любви, хотел ее, искал, но все, что я узнал, — не любовь, а мираж... Может быть, невольная ложь самому себе. Теперь же я уверен, что нашел ее, и вместе с тобой ту любовь, о которой мечтал всю жизнь».

Помнишь наш подмосковный городок: узкие улочки, где барачные дома стояли вперемежку с частными. Ты вышла замуж, уехала в уральскую столицу, а я осталась здесь с больной мамой в коммунальной комнатухе. После техникума устроилась лаборанткой на большой московский завод. Обычно я ездила на работу и обратно на электричке. Путь в один конец занимал полчаса. Дорога не утомляла меня, а напротив, успокаивала. Мне было о чем подумать. Советский Союз распался, все рушилось, закрывались заводы, фабрики, люди оставались без работы. Но, слава Богу, меня это не коснулось. И я, красивая, романтическая, как и все юные девушки, гадала и мечтала о том, как же сложится моя жизнь, пыталась угадать, когда и где явится мой принц на белом коне.

Все началось в понедельник утром, ранней весной, когда я по привычке спешила на работу. Вбегаю в вагон, занимаю место у прохода, раскрываю книгу, не обращая внимания на окружающих. Мимо меня взад-вперед ходили люди. Несколько работяг громко рассказывали друг другу анекдоты, смеялись, пока рядом плакал ребенок. Вдруг я увидела острые мыски дорогих ботинок. Они быстро пробираются ко мне.

В волнении я не отрываю глаза от книги. Подойдя совсем близко, этот кто-то кладет мне в раскрытую книгу апельсин и уходит. Я увидела только сильную мужскую руку. Я чувствовала, как у меня от стыда заливаются краской щеки. Немного погодя подняла голову: вокруг каждый был занят своим делом. Апельсин съели с девушками на работе. Следующие три дня все повторялось в точности: вагон, книга, апельсин. Я поняла, что у меня появился тайный поклонник. Каждый раз, когда он приближался ко мне, то ли от испуга, то ли от того, что все происходило так быстро и внезапно, я не могла увидеть его в вагонной толкучке. Кто он? Собравшись с духом, подняла голову, внимательно посмотрела вокруг. Конечно, я искала молодое и приятное лицо, но нигде такого не замечала. Я начала жить этим. Садилась в вагоне всегда у прохода; раскрывая книгу, я не пыталась даже читать ее — ждала мига, когда таинственный поклонник положит в раскрытую книгу апельсин. Где-то в середине апреля в мою раскрытую книгу упал конверт, я торопливо вскрыла его, в нем была театральная программа. На ней от руки красивым мелким почерком написано: «Отметьте спектакль, на который Вы хотели бы пойти, а потом бросьте по дороге обратно в свой открытый почтовый ящик». Я невольно ощупала конверт, не осталось ли там сопроводительной записки, но конверт был пуст. Программка была Малого театра. Я никогда не была в таком знаменитом театре. Хорошо подумав, выбрала «Лес», потому что спектакль шел в пятницу, перед выходными. Я все сделала, как мне велели.

Вскоре я получила по почте билет на этот спектакль. Должна тебе признаться, я очень волновалась. Все было так загадочно и романтично. У меня было ощущение, что я сама играю в пьесе. Стою у входа в театр, жду не знаю кого. Я улыбалась всем мужчинам. Они, в ответ улыбаясь, проходили мимо меня либо отходили в сторону, ожидая своих. После второго звонка я всерьез начала нервничать, ругая себя за доверчивость. Даже в глазах появились слезы. Но как бы то ни было, я подумала, что билет у меня есть и глупо пропускать спектакль.

АПЕЛЬСИН

Зал полон, но место рядом со мной пустовало. Уже когда погасили свет, я краем глаза увидела, как ко мне пробивается мужчина, рассмотреть лицо которого я не смогла в темноте; он сел рядом, а когда положил руку на подлокотник, я узнала эту руку. Мы оба молчали. После первого акта, когда в зале зажегся свет, он выпрямился, застенчиво улыбнулся, подал мне свою крепкую, хорошо мне знакомую руку и пригласил прогуляться в фойе. Мы познакомились.

Его звали Феликс. По профессии стоматолог. Оказалось, он живет на нашей улице в частном доме. Дом с маленьким палисадником, где весной цвели сирень и жасмин, — это был его дом. Так вот, в антракте он пригласил меня в буфет, мы выпили по бокалу шампанского, я не отказалась от пирожного, но меня уже не занимали ни спектакль, ни угощение, я ждала, когда он заговорит. А он смущенно улыбался и молчал. Только после спектакля, когда мы шли по ночной весенней Москве, он глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

Впервые Феликс увидел меня близко, когда я с портфелями бежала в техникум на выпускные экзамены, а он чинил калитку. Его поразила прелесть моего юного лица, на котором играла загадочная для него улыбка. И он часто стал ожидать меня — сначала просто для того, чтобы полюбоваться юностью, но со временем ясно понял, что именно я и есть его судьба, его счастье. Сказать, что я тогда была расстроена, — это ничего не сказать. Я будто получила сразу несколько извещений о смерти родных людей. Он был старше меня лет на двадцать. Его возраст, да и внешность.... Как все это совместить с моими радужными мечтами?!

Но я уже призналась тебе, что он был очень умен и тактичен. Он понимал все и не торопил события. В начале нашего знакомства общение с ним рыбьей костью застревало у меня в горле, но очень быстро первичная неприязнь ушла, а потом и осторожная недоверчивость тоже, и я увидела в нем приятного и достойного человека.

У него была широкая русская натура, он был человеком со вкусом, очень щедрым, но за последнее винить его нельзя;

я была бедна, а он богат. Обычно он ждал меня в своей машине на тихой улице недалеко от проходной завода. На моем сиденье всегда лежал букетик ландышей или ветка сирени. Мы ехали в театр, на концерт, в Дом кино или ужинать в дорогой ресторан. И хотя у нас не было долгих откровенных разговоров, мне было с ним интересно. Все это время я видела в его глазах страсть.

Вскоре он отважился сделать мне подарок — изысканные французские духи ко дню моего рождения. Я не смела отказаться, а он был счастлив. Нет, Феликс не обижал меня подарками, всегда находил повод: Новый год, День Святого Валентина, Восьмое марта. Дарил что-то из украшений или красивую блузку, косынку. Мы ездили за границу. По моей просьбе спали в отдельных номерах. Париж, Рим, Стамбул. С ним я увидела Эйфелеву башню, знаменитые итальянские галереи, прекрасный Босфор.

Он никогда меня не принуждал ни к чему. Он обладал безграничным терпением. Если я чего-то не хотела или не была готова, говорил, что ничего, он подождет, очень осторожно приближая меня к себе. Поцелуи, объятия, но ничего больше. Ведь до него ни один мужчина не коснулся моих губ.

Ты, конечно, спросишь, а как же моя мама? Мне повезло с ней, она всегда понимала меня. Когда я второй раз пришла домой с цветами, мама тихо подозвала меня к себе, усадила рядом и попросила признаться, что со мной происходит. У меня никогда не было секретов от нее, и я ей честно рассказала историю от апельсина до этого букета. Оказалось, она хорошо знает Феликса: они учились в одной школе, только мама была на несколько лет старше. Мальчик рос в семье потомственных врачей. Его родители познакомились на фронте, в медсанбате. Это была очень хорошая, счастливая семья, наверно, потому и сыночка назвали Феликсом, что значит «счастливый». И надо же такому случиться — отдыхали в Сочи, летели домой, самолет попал в грозу. Вот и остался Феликс круглым сиротой на попечении у бабушки с дедушкой. Потом мама долго молчала, наконец сказала: «Дочка, поступай так, как подсказывает тебе сердце».

АПЕЛЬСИН

Вот так прошло два года. И однажды мы встретились, поужинали, выпили хорошего вина и поехали в наш городок. Остановились возле его дома. Голова моя была одурманена. Казалось, теперь я была готова на все. Уже у него дома, после горячих поцелуев, я пошла в ванную. Холодная вода отрезвила меня. Мне всегда было приятно смотреть на свое здоровое и красивое тело: ни одной морщинки, упругая грудь, живот как туго натянутый кусок шелка, круглые бедра, ноги длинные и гладкие... «И все это отдать мужчине, который годится мне в отцы?» — вдруг с ужасом подумала я.

И поняла, что не могу. Не могу... Все это время, пока мы общались, встречались, я думала, что переломлю себя, но не смогла. Может быть, от того, что я была молода или чрезвычайно глупа, но я оделась, поблагодарила Феликса за все и пошла к двери. Он умолял меня остаться, говорил, что готов ждать, и, если я согласна, завтра же отправимся в ЗАГС. Больше мы никогда не виделись.

На электричку я стала ходить другой дорогой, а потом наш городок вошел в границы Москвы, началось большое строительство: парки, пруды, вокруг построили многоэтажки, и мой дом потерялся среди других высоток. Прошло больше двадцати лет. Нет уже со мной мамы, завод не закрыли, я продвинулась по службе. Замуж я не вышла. Конечно, были у меня отношения, но со всеми этими молодыми парнями я лишь весело проводила время, а когда речь шла о чем-то серьезном, они говорили: «Еще успеется». С тех пор никто не любил меня с такой рабской преданностью, с таким самоотвержением, как он. Заканчиваю писать и не понимаю, почему, пока писала, улыбалась, и почему теперь по моему лицу текут слезы, и почему мне так больно...

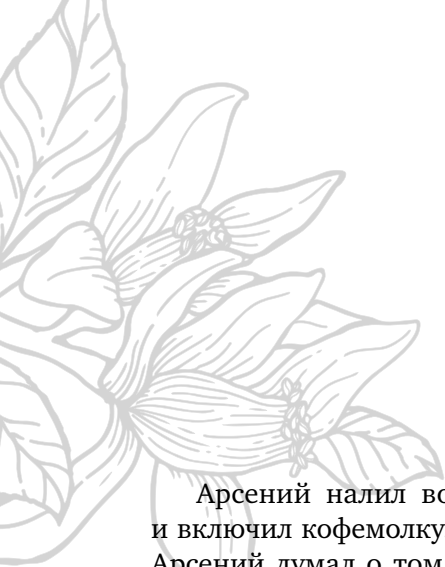
кучма

к

ПУТЬ К СЛОВУ

слову

Арсений налил воду в чайник, ложкой отмерил зерна и включил кофемолку. Каждый раз, когда жужжал моторчик, Арсений думал о том, почему народ этого небольшого балтийского городка так равнодушен к созревшим в тропиках кофейным зернам. Ленивые и торопливые, люди предпочитают быстрорастворимый порошок с едва уловимым пряным запахом. Вот почему он вчера, несмотря на морозящий холодный дождь, отправился в Санкт-Петербург, и там, на Невском, в магазине, с малых лет ему знакомом, его одарили плотным пакетом ароматнейшего кофе.

Священный ритуал никогда не нарушался. Смолотые в пудру зерна высыпались в заранее подогретый фарфоровый кофейник, заливались клокочущим кипятком. На журнальном столике, покрытом кружевной салфеткой, уже были приготовлены чашечка с блюдечком, оставшиеся от старинного фамильного сервиза. Арсений сел в мягкое кресло, откинулся на спинку и помедлил минуту, вдыхая волшебный аромат. Чашечка пряного, с тугой зеленоватой пленкой напитка вызывала в нем легкое волнение: он уносился в детство. В то безмятежное и счастливое время, когда были живы его всеильные ангелы-хранители, мама и бабушка. Он вспоминал забавные случаи, мамины рассказы о его рождении и раннем детстве, то ли это были обычные бабушкины рассказы, то ли легенды об их старинном знатном роде.

Теперь Арсений Потапов, давно миновавший Христов возраст, был кем-то вроде философа-отшельника. Чем дальше люди находились возле него, тем сильнее становилось его желание либо избавиться от них, либо самому скорее их покинуть. Он терпеть не мог, когда кто-то ночевал в его доме.

Любил свою старую мебель, посуду, допотопную люстру, изящные резные полочки, уставленные забавными фигурками, воспринимая их живыми существами со свойственными им характерами, причудами и даже тайнами.

Своего отца Арсений знал, но не помнил — с малолетства много воды утекло. В ответ на его расспросы мать хоть и коротко, но хорошо говорила о талантливом театральном художнике Георгии Потапове. Их молодая семья, увлеченная литературой, драматургией, живописью, на зависть многим была очень счастливой. Да еще и сын родился, которого называли прекрасным именем Арсений, что по-гречески значит «мужественный, возвышенный». Потом мать прерывала свой рассказ, вздыхала, тихо сетовала на развал страны, безработицу, отнявшую у людей искусства смысл жизни. Георгий Потапов стал искать его в вине. Арсений видел отца в сознательном возрасте только один раз. В гробу.

Его мать была личностью необыкновенно привлекательной. Так считал не только он как сын — это осознавали все, кто ее знал. Для многих она воплощала идеал женщины: красивая, стройная, со спокойным, но твердым характером, вдобавок ко всему энциклопедически образованный признанный литературовед. Арсению она уделяла много внимания: вникала во все его мальчишеские проблемы, учила находить правильные решения. Понимая, что в сыне прорастает гуманитарий, не упрекала его за тройки по физике и химии, а старалась больше и увлекательнее рассказывать о русских классиках.

Однажды, когда они гуляли по осеннему парку и вели беседу о том, чему человек должен посвятить свою жизнь, что будет значить для его личности этот выбор, мама вдруг заговорила таким проникновенным тоном, будто оставляла сыну родительский наказ. «Самая лучшая профессия — это писатель. Он ни от кого не зависим. Создавая произведения, он живет в мире своих героев, радуясь и страдая вместе с каждым образом, рождается и умирает с ним. Но какими бы ни были события повести или романа, они должны помогать писателю, а потом и читателю, становиться прекраснее

САБИТ АЛИЕВ

душой, отважнее характером, закаленное волей. Труд этот тяжел, но благороден».

Материнское откровение легло на сердце сына, как молитва.

* * *

Закончив школу, Арсений поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Он сразу стал публиковаться в студенческой многотиражке, его заметки были грамотными, но скорее информативными. После второго курса студента призвали на срочную службу.

В воинской части его писательская карьера совершила небольшой рывок — он стал главным редактором армейского листка «Служу родине», который печатался в полковой типографии. Арсению нравилась и оперативность работы, и верстка газетной полосы, и стрекот лино типа, и волнующий запах свежего отпечатанного листа. В его душе начинало проклевываться чувство авторства судьбоносного романа, которым будет зачитываться страна, а может быть и весь мир.

Он, конечно, понимал, что слава не падает с неба. Твердя мамино заклинание о труде, Арсений завел толстую тетрадь-дневник, записную книжку. Однако время летело с такой быстротой, окружающие события казались мелкими, судьбы людей, с которыми общался, рядовыми... В его творческой копилке слабо позванивали ценные монеты. Арсений сокрушался невезению. Утешала молодость, обещавшая одарить сюжетами когда-нибудь в будущем.

К концу учебы в университете они с мамой думали о следующей странице его биографии. Мудрая женщина, мама, внушала сыну, что настоящего писателя делают большие события и личное участие в них, будь то война, блокада, зимовка в Антарктиде, работа в горячей точке, где бы она ни находилась, стройка века, знание психологии людей, в них участвующих... И все это надо познавать через свою душевную боль. Человек, обрекающий себя на такой труд, становится добровольным каторжником. Но это — сладкая каторга.

ПУТЬ К СЛОВУ

Когда пришло время, Арсений дал твердое согласие отправиться на Северный Кавказ в одну из самых горячих точек. Но, несмотря на всю его усиленную подготовку, этому событию не суждено было состояться. У мамы случился инсульт. Единственный сын, Арсений, взял на себя все заботы о самом дорогом ему человеке. Чтобы зарабатывать хоть какие-то средства, он устроился младшим редактором в профсоюзный журнал, подрабатывал ответами на письма, давал частные уроки. Денег не хватало. Тогда мама сделала здравое предложение: обменять прекрасную питерскую квартиру на небольшой домик у моря в Выборге и однушку в Питере, которую будут сдавать в аренду. Арсений мужественно начал преодолевать непредсказуемые круги разменного ада.

Однажды вечером, сидя возле матери, он старался спокойно, не волнуя ее, рассказать, как обивал пороги контор, какие им светили надежды, и вдруг с тоской взгляделся в ее бледное, искаженное болезнью лицо. У него замерло сердце от осознания быстротечности жизни. Ночью он не мог уснуть. Его терзал стыд. Он, взрослый мужик, мечтавший о большой литературе, не написал ни одной строчки, которой порадовалась бы его мать. Чего он ждет? Какой небесной манны? Какого озарения? Никакого чуда не случится. Будет рутинный каторжный труд. И если ты повесил на себя эти кандалы и вериги, то садись за стол, страдай душой, ворочай мозгами и пиши.

Арсений встал, накинул халат, сел за письменный стол, заправил в машинку чистый лист бумаги, крупным шрифтом вывел заглавие «Чужая жизнь».

История талантливого юноши, который рано остался сиротой и теперь жил вместе с бабушкой, уже давно складывалась у него в небольшой рассказ, немного смешной, немного грустный, — известно непростое жите двух поколений, разделенных российским полувеком.

Сюжет рассказа четко выстраивался у Арсения в голове. Его пальцы легко бегали по клавишам; не было времени ни остановиться для раздумий, ни перечитать написанное.